

Страничка семейной хроники.

Наступалъ августъ 1774-го года. Вѣсти о приближеніи Пугачева къ Саратову приходили непрестанно. Населеніе, какъ городское, такъ и сельское всего прилежащаго края волновалось. Повсюду бродили подозрительныя личности, рассказывавшія всякія небылицы про самозванца, обѣщавшія всевозможныя блага, а особенно крѣпостнымъ помѣщичьимъ людямъ. Нѣкоторые жители вѣрили, что ожидаемый благодѣтель ихъ есть дѣйствительно Императоръ Петръ III-й; другіе,—а ихъ было большинство—относились къ личности его безразлично, осуществились бы лишь мечты о свободномъ житьѣ и предстоящемъ „гуляньѣ“. Но и благоразумное меньшинство было сбито съ толку и недовѣрчиво относилось и къ распоряженіямъ мѣстныхъ властей и къ увѣреніямъ своихъ помѣщиковъ. Лишь незначительная часть крестьянъ оставалась вѣрной своимъ господамъ и въ точности исполняла ихъ приказанія.

Мѣстнымъ губернаторомъ Кречетниковымъ были приняты мѣры „предосторожности“:—въ селахъ назначены попечители изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, приказано было слѣдить за появленіемъ бродящихъ личностей, арестовывать ихъ и представлять по начальству; съ цѣлью недопущенія бродягъ въ населенныя мѣста у въѣздовъ въ села и деревни и выѣздовъ изъ нихъ были выставляемы караулы; околицы же окружены загородами и рогатками. Но могли ли эти мѣры уберечь отъ появленія въ избахъ темныхъ проходимцевъ, передававшихъ самые интересные и соблазнительные рассказы? Положеніе помѣщиковъ въ усадьбахъ становилось день ото дня рискованнѣй. Многіе изъ нихъ, побросавъ хозяйство и имущество, бѣжали въ столицы и спокойныя отъ мятежа губерніи. Но большинство все же

оставалось въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ, въ надеждѣ, что тѣмъ или инымъ путемъ минетъ ихъ надвигавшаяся гроза.

Въ описываемое нами время, въ 25-ти верстахъ ниже Саратова по Волгѣ, въ селѣ Хмѣлевкѣ, насчитывавшемъ до 50-ти крестьянскихъ дворовъ, жило въ общей усадьбѣ двѣ семьи дворянъ Шахматовыхъ.

Старшій представитель рода Алексѣй Лукичъ оставилъ послѣ своей смерти вдову, двухъ сыновей и дочь. Покойный коллежскій ассесоръ слылъ не только въ околodкѣ, но и по всему поволжью за очень богатаго человѣка. Постепенной покупкой пожней, садовъ, мельницъ и другихъ угодій, а также арендой рыбныхъ ловель, Алексѣй Лукичъ изъ года въ годъ увеличивалъ свое и безъ того большое наслѣдственное состояніе. Но не богатство создало настоящую славу его, а рѣдкія въ то время душевныя качества:—неизмѣнно строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и справедливый въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ людей, всѣмъ сердцемъ отдававшійся заботамъ о ихъ благосостояніи, вникавшій во всѣ ихъ незатѣйливыя семейныя и домашнія нужды, Алексѣй Лукичъ завоевалъ общую къ себѣ народную любовь. Слава о его добротѣ и справедливости росла изъ года въ годъ и разносилась тысячеустной толпой отъ Астрахани до Казани и Нижняго-Новгорода. Многіе „вольные люди“, услышавъ, о добропорядочности житія“ у Шахматова, добровольно приписывались къ числу его крѣпостныхъ слугъ. Бѣглецы крестьяне другихъ помѣщиковъ обращались къ Алексѣю Лукичу со слезными просьбами купить ихъ у нынѣшнихъ господъ. Нашелся какой-то полякъ Шондарь, принявшій православіе который „не нашелъ больше способу, какъ быть въ услуженіи за Шахматовымъ“.

По смерти стараго барина, народная любовь перешла къ старшему сыну его, Николаю Алексѣевичу, во всемъ взявшему примѣръ съ родителя. Образованнѣйшій для своего времени человѣкъ, говорящій на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, участникъ Крымскихъ походовъ, будучи 25 лѣтъ отъ роду, онъ вышелъ, по кончинѣ отца своего, въ отставку и безвыѣздно поселился въ Хмѣлевкѣ.

Съ нимъ жила и мать его, Марья Степановна, рожденная Вышеславцева, посвятившая себя всецѣло поддержанію образцоваго женскаго хозяйства въ домѣ. Правда, съ выдачей замужъ 16-ти лѣтней дочери своей, Екатерины Алексѣевны, за главнаго судью опекунства иностранныхъ въ Саратовѣ, Михаила Михайловича Ладыженскаго, она лишилась ближайшей помощницы, но,

будучи еще относительно не старой женщиной, образцово справлялась съ дѣломъ.

Въ Хмѣлевкѣ находился и пріѣхавшій навѣстить вдову матушку свою полевой артиллеріи сержантъ Павелъ Алексѣевичъ Шахматовъ.

Другая семья Шахматовыхъ, семья младшаго брата покойнаго Алексѣя Лукича,—Артамона Лукича, состояла изъ него самого, отставнаго прапорщика лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, жены его Прасковьи Ивановны, трехъ сыновей и дочери. Самъ Артамонъ Лукичъ, хотя и не имѣлъ той славы, которой пользовался старшій братъ его, Алексѣй, но слылъ во всемъ околоткѣ за человѣка чрезвычайно умнаго и пользовался общимъ уваженіемъ. Сыновья его, Иванъ, Петръ и Александръ Артамоновичи, будучи въ возрастѣ 18-ти, 17-ти и 14-ти лѣтъ, служили въ Преображенскомъ полку, а потому въ описываемое время изъ Хмѣлевки отсутствовали. Ихъ мать, Прасковья Ивановна, была изъ рода Нечаевыхъ, вотчина которыхъ находилась въ Симбирской губерніи. Тамъ, въ селѣ Новоспасскомъ жилъ родной братъ ея Иванъ Ивановичъ Нечаевъ. Сестры же ея были замужемъ:—Марѳа Ивановна—за пензенскимъ воеводой Всеволожскимъ, а Матрена (иначе Маргарита) Ивановна—за саратовскимъ же помѣщикомъ Безобразовымъ, усадьба котораго, „Буркинъ Буеракъ“ находилась по близости Хмѣлевки; это служило причиной частаго свиданія сестеръ.

Характеристика Прасковьи Ивановны сдѣлана въ „Семейныхъ запискахъ Рожкова“¹⁾. По словамъ автора ихъ, она была очень добрая старушка, которая хотя и не получила образованія, но своей добротой искупала этотъ недостатокъ. Въ ней не было ни скарденности, ни нахальства, которыми отличались всѣ барыни того времени, а напротивъ, во всѣхъ ея поступкахъ была видна приличность, какъ слѣдствіе продолжительной жизни съ мужемъ, который былъ человѣкъ очень умный и жившій много въ обществѣ“.

Ведя образцово домовое хозяйство, Прасковья Ивановна обращала главныя заботы свои на воспитаніе нѣжно любимой ею дочери Машеньки. Каковы были результаты этого воспитанія, можно судить изъ тѣхъ же записокъ Рожкова, свидѣтельствующаго, что Марья Артамоновна „была во всѣхъ отношеніяхъ дѣвушка замѣчательная: пріятная, привлекательная наружность, высокій ростъ, стройный станъ, лицо нѣсколько рябова-

¹⁾ См. „Библіотека для Чтенія“. 1860-го года.

тое, но настолько, что это едва было замѣтно и нисколько не безобразило его владѣлицу; а свѣжесть и необыкновенная пріятность выраженія и доброты придавали всей ея особѣ особую прелесть. Прибавьте къ этому пріятныя манеры, любезность и развязность, безъ излишней приторности, а только какъ слѣдствіе продолжительной жизни въ городѣ, въ хорошемъ обществѣ. Кромѣ того, Марья Артамоновна была для того времени хорошо образована: она хорошо знала французскій и нѣмецкій языки и ловко танцевала“.

Однако, характеристика Прасковьи Ивановны и ея дочери, едѣланная Рожковымъ, относится къ позднѣйшимъ временамъ; въ описываемый же нами годъ Машенькѣ Шахматовой было только семь лѣтъ.

Вѣсти о самозванцѣ достигали, конечно, и Хмѣлевки. Несмотря, какъ мы уже сказали, на принятые мѣры, такъ называемыя „предосторожности“, значительное число оборванцевъ шаталось по сельскимъ задворкамъ, ночуя иногда гдѣ-либо на гумнахъ, въ водоровинѣ, въ буеракахъ, въ тѣнистыхъ перелѣскахъ. Теплое время года и сама мѣстность благопріятствовали появленію бродягъ какъ въ окрестностяхъ села, такъ и въ немъ самомъ. Съ обширныхъ ваймищъ, поросшихъ тальникомъ, вдоль безпорядочныхъ обрывовъ нагорнаго берега, поросшихъ вѣковыми дубами и вязами, легко было пробраться въ широкій оврагъ русла рѣчки нижней Хмѣлевки. Здѣсь, хотя и вблизи господской усадьбы, но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ тѣснаго ряда сельскихъ избъ,—здѣсь у мельничнаго колеса можно было и отъ дождя укрыться и у пронырливаго мельника Яшки, несмотря на барскій приказъ, разжиться краюхой хлѣба.

Разказы прохожихъ на мельницѣ не оставались тайной для Хмѣлевскихъ крестьянъ:—ихъ разглашалъ „по секрету—всему свѣту“ и самъ Яшка, ихъ слушали иногда помольцы лично. Не мало было, впрочемъ, встрѣчь Хмѣлевскихъ обывателей на берегу Волги съ бурлаками проходившихъ судовъ и Богъ вѣдаетъ откуда и куда слѣдующими прихожими.

Сами же Шахматовы получали подробныя свѣдѣнія о Пугачевѣ и о дѣйствіяхъ его полчищъ какъ въ городѣ Саратовѣ, гдѣ имъ приходилось бывать довольно часто по разнымъ дѣламъ, такъ изъ городовъ, селъ и деревень всего охваченнаго мятежемъ края.

О происходящемъ въ Княгининскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, въ окрестностяхъ безпокойнаго села Мурашкина сообщали сосѣди, недавно лишь проданной, старой вотчины Шах-

матовыхъ, села Шахматова-Шехонскаго тожъ. Изъ Симбирскаго уѣзда приходили донесенія прикащика села Архангельскаго, родового помѣстья Вышеславцевыхъ, доставшагося въ приданое Марьѣ Степановнѣ. Пришли вѣсти изъ Верхняго Ломова объ ужасной смерти нѣсколькихъ ея родственниковъ, въ томъ числѣ секундъ-маіора и двухъ подпоручиковъ Вышеславцевыхъ съ женами. Въ Пензенскомъ уѣздѣ былъ убитъ, приходившійся родственникомъ Шахматовымъ и Нечаевымъ, подпрапорщикъ Пересѣкинъ со всей семьей. Словомъ, извѣстія о нашествіи самозванца приходили одно за другимъ, одно другого тревожнѣе, одно другого страшнѣе. Прискакалъ, наконецъ, въ Хмѣлевку изъ Пензы человекъ родной сестры Прасковьи Ивановны, Марѣ Ивановны, и рассказалъ объ ужасной кончинѣ воеводы Всеволожскаго, запершаго въ домѣ своемъ и погибшаго въ пламени, вмѣстѣ съ бывшими въ городѣ дворянами, со своєю и съ ихъ семьями.

Несчастливая Прасковья Ивановна разразилась рыданіями и потерявъ голову не знала, что предпринять: — подумать ли о спасеніи собственномъ и нѣжно любимой дочери, принять ли мѣры къ спасенію цѣннаго имущества и всякаго домашняго скарба? А дома не все было благополучно:—замѣчено, что нѣкоторые дворовые не такъ ревностно исполняютъ ея приказанія, а кое-кто изъ нихъ чрезмѣрно долго засиживается на селѣ у родныхъ. Добрѣйшая женщина частенько прощала провинности людей и въ обычное время, теперь же, глубоко огорченная и совершенно разстроенная,—не взыскивала съ нихъ и по-давно. Въ вопросѣ о личномъ спасеніи она положила во всемъ на своего мужа. Что же касается имущества, то, съ вѣдома Артамона Лукича, приготовила большой, жестью окованный сундукъ, когда-то наполненный ея приданымъ и уложила въ него все наиболѣе цѣнное. Туда вошли и образа въ серебряныхъ окладахъ съ жемчужовыми ризами, и лаловыя и алмазныя серьги и яхонтовыя ожерелья и серебряныя вызолоченныя жбаны и тяжелая мѣдная посуда.

Артамонъ Лукичъ ходилъ раздраженный въ перѣшительности, оставаться ли ему въ Хмѣлевкѣ или ѣхать въ Саратовъ, гдѣ послѣ іюньскаго пожара—весь городъ выгорѣлъ, уцѣлѣли лишь каменные церкви и немногочисленные дома, да пригородъ Меляковка — имъ возводились новыя амбары, лабазы и лавки. Въ нихъ накопилось уже значительное количество зерна, муки и прочихъ сельскихъ продуктовъ. Да и большой домъ у Царицынскихъ воротъ былъ полонъ всякаго добра.

П р а с к о в ья И в а н о в н а
Ш А Х М А Т О В А
(рожденная Нечаева).

М а р г а р и т а (М а т р е н а) И в а н о в н а
Б Е З О Б Р А З О В А
(рожденная Нечаева).

Переговоривъ съ племянникомъ, Николаемъ Алексѣевичемъ, онъ рѣшилъ оставить жену и дочь на его попеченіи, а самому отправиться въ Саратовъ. Въ ночь, передъ отъѣздомъ, былъ вынесенъ изъ дому и поставленъ на подводу, припасенный Прасковьей Ивановной сундукъ, и, въ сопровожденіи двухъ наиболѣе вѣрныхъ дворовыхъ, кучера и самаго Артамона Лукича, отвезенъ въ Малый садъ, на рѣчку верхней Хмѣлевкѣ. Тамъ подъ одной изъ яблонь зарыли его въ землю, обмотыжили лунку и, прямымъ путемъ,—не заѣзжая домой,—отправились въ городъ.

Марья Степановна Шахматова, напуганная извѣстіями о гибели многихъ ея родственниковъ, не могла не тревожиться о судьбѣ своей дочери, остававшейся въ Саратовѣ вмѣстѣ съ мужемъ Лодыженскимъ. На попеченіи молодой женщины находились дѣти Лодыженскаго отъ перваго брака,—мальчикъ и двѣ дѣвочки. Въ домѣ же, вслѣдствіе тревожнаго времени и постоянного отсутствія Михаила Михайловича, благодаря странному настроенію прислуги, шла полная разруха. Неопытная еще хозяйка, Екатерина Алексѣевна, не могла справиться съ возложенными на нее обязанностями безъ посторонней помощи и слезно умоляла мать переѣхать къ ней хотя-бы на короткое время. Оставя вся женское хозяйство въ Хмѣлевкѣ на рукахъ ключницы, Марья Степановна перебралась въ Саратовъ, въ домъ зятя.

Съ нею вмѣстѣ переѣхалъ въ городъ и младшій ея сынъ Павелъ Александровичъ, счелшій долгомъ своимъ въ тревожное время для государства стать въ ряды Саратовскаго гарнизона.

Между тѣмъ Пугачевъ подходилъ къ Саратову. Въ самомъ городѣ царствовало полное безначаліе. Губернаторъ Кречетниковъ, сдѣлавъ рядъ циркулярныхъ распоряженій, счелъ за благо удалиться къ себѣ домой въ Астрахань¹⁾. Старый Саратовскій воевода полковникъ Юнгеръ недавно скончался, а должность его временно правилъ честный, храбрый и распорядительный полковникъ Бошнякъ, не пользовавшійся, однако, достаточнымъ авторитетомъ среди населенія. Вновь назначенный воевода Лихаревъ находился въ пути къ городу. Но вдругъ пришла вѣсть, что онъ настигнутъ сообщниками Пугачева въ деревнѣ Бѣлгозѣ и вмѣстѣ съ семьей, съ каретой и лошадьми сброшенъ съ крутого берега въ рѣчку. Такимъ образомъ Бошнякъ остался

¹⁾ Саратовъ входилъ въ составъ Астраханской губерніи.

главнымъ соотвѣтственнымъ лицомъ въ дѣлѣ защиты Саратова. Какъ комендантъ „города“, что по тогдашнимъ понятіямъ служило синонимомъ крѣпости, честный Бошнякъ, по долгу воинской чести, считалъ обязанностью своей защищать центръ его, окруженный валомъ и ровомъ. Но интересы война шли въ разрѣвъ съ интересами главнаго судьи опекунства иностранныхъ; Лодыженскій полагалъ необходимымъ обезпечить отъ захвата разбойниками складовъ громаднаго количества заготовленнаго для поселенцевъ продовольствія. Склады эти находились на берегу Волги, нѣсколько ниже центральной части города. Саратовскіе валъ и ровъ находились въ плачевномъ состояніи, почему было, можетъ быть, и выгодноѣ возвести новое укрѣпленіе близъ складовъ; но за городскимъ валомъ находились соборъ, церкви и правительственныя учрежденія, которыя нельзя было оставить безъ защиты. На общую бѣду комендантъ города былъ только въ чинѣ полковника, тогда какъ судья иностранныхъ былъ уже статскимъ совѣтникомъ. Обстоятельство это дало поводъ Лодыженскому возбудить споръ о старшинствѣ въ чинѣ. Лодыженскій, возомнивъ себя первымъ лицомъ въ городѣ, игнорировалъ отношенія Бошняка къ служебному долгу и требовалъ послушанія своимъ распоряженіямъ.

Статскаго совѣтника поддерживалъ командированный въ Саратовъ чванливый и блестящій гвардеецъ Гаврила Державинъ. Въ результатѣ, — полуразвалившаяся саратовская крѣпость—валъ и ровъ не были приведены въ сколько-нибудь соотвѣтствующее оборонѣ состояніе, а городскіе жители, окончательно сбитые съ толку, не знали, чьихъ распоряженій слушаться и, смущенные подосланными лазутчиками и подброшенными прокламаціями, въ огромномъ большинствѣ ожидали лишь прибытія мнимаго Петра III-го, чтобы передаться на его сторону.

Пугачевъ подошелъ къ Саратову по большой Московской дорогѣ 5-го августа вечеромъ. За ночь полчища его придвинулись къ Волгѣ и раскинули станъ свой у подножья премыкающей къ городу съ сѣверной стороны Соколовой горы.

Не добившійся отъ упрямаго Бошняка исполненія своихъ предначертаній, честолюбивый Лодыженскій пришелъ къ заключенію, что захватъ мятежниками Саратова не минуемъ. 6-го августа утромъ, успѣлъ онъ бѣжать внизъ по Волгѣ, захвативъ семью и кое-что изъ имущества и казенныхъ дѣлъ. Съ начальникомъ своимъ бѣжалъ и весь штатъ опекунства иностранныхъ. Бѣглецамъ, а въ ихъ числѣ и Марья Степановъ съ дочерью

удалось миновать опасность и благополучно добраться до Царицына.

Наступилъ наконецъ для Саратова день роковой развязки. Съ высокой Соколовой горы палилъ Пугачевъ по городу изъ пушекъ, заряжая ихъ мѣдною монетою. Развращенная городская чернь жадно подбирала даренныя псевдо-царскія деньги. Удручающее впечатлѣніе произвело на защитниковъ города извѣстіе о томъ, что стоящая на валу пушка отказывается стрѣлять по, якобы, законному Государю. Передались на сторону самозванца купецъ Кобяковъ съ товарищами, измѣнили присягѣ казаки и 300 артиллеристовъ во главѣ съ маіоромъ Салмановымъ. И вотъ 6-го августа, около шести часовъ вечера, нѣсколько сотъ конныхъ башкиръ, казаковъ и всякаго сброда, съ ужаснымъ крикомъ и гиканьемъ спустились съ горъ и мостомъ черезъ Глѣбучевъ оврагъ ворвались въ городъ. Другая, нѣшая толпа подобралась со стороны Волги и выскочивъ изъ лодожъ на берегъ, полѣзла къ центру города, къ соборной площади, къ правительственнымъ учрежденіямъ, къ кабакамъ. Тщетны были старанія Бошняка не допустить безумную и опьянѣвшую толпу въ городъ. Скрывъ на груди подъ мундиромъ полотнище гарнизоннаго знамени, съ небольшой лишь горстью удалцовъ, захвативъ сколько было возможно казны и воеводскихъ дѣлъ, храбрый полковникъ рѣшился на отступление внизъ по Волгѣ къ Дмитровску (Камышину), дрался, какъ девъ, и съ наступленіемъ темноты пробился на югъ, въ Дресвянскіе тальники и далѣе.

Мятежники же предались неограниченному грабежу и разгулу въ городѣ. Разбиты были царскіе кабаки, бочки съ виномъ выкачены на улицу, всякое добро растащено изъ домовъ и сгружено на площади и въ переулкахъ.

А мнимый царь сидѣлъ въ шутовскомъ нарядѣ въ палаткѣ, принималъ присягу своихъ новыхъ вѣрноподданныхъ и казилъ непокорныхъ. Рядъ висѣлицъ сталъ на гребнѣ Соколовой горы, а въ городѣ и за городомъ, по сторонамъ Московской дороги, да и за Царицынскими воротами валялись трупы разстрѣлянныхъ жителей, отказавшихся цѣловать руку самозванца или слишкомъ ревностно защищавшихъ отъ грабителей собственное добро.

Въ числѣ труповъ, оставшихся на городскомъ валу, лежало и тѣло пылкаго сержанта Павла Алексѣевича, павшаго въ одной изъ самыхъ жестокихъ схватокъ.

Разграбленъ былъ домъ Артамона Лукича у Царицынскихъ.

воротъ. Какъ разъ противъ него находился кабакъ, привлекшій значительную толпу безобразниковъ. Бывшіе при дворѣ дворовые люди Шахматова тщето старались оберечь ввѣренное имъ имущество. Иные изъ нихъ за усердіе поплавились живнью; вѣроятно въ ихъ числѣ и тогда же погибли тѣ дворовые, что зарывали сундукъ въ предшествующую ночь въ Хмѣлевскомъ Маломъ саду:—убитые унесли съ собой въ могилу свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения клада, такъ часто впоследствии соблазнявшаго Хмѣлевскихъ обывателей.

Мы отказываемся объяснить, когда и какъ вернулся Артамонъ Лукичъ въ Хмѣлевку, но склонны предположить, что онъ отступилъ изъ Саратова вмѣстѣ съ храбрымъ Бошнякомъ. Историческіе документы передаютъ, что саратовскій комендантъ пробился сквозь толпу мятежниковъ шестого августа вечеромъ и ночью же отступилъ далѣе на югъ. Путь его лежалъ густымъ дубовымъ лѣсомъ къ поселку Набережный увекъ, а оттуда береговой дорогой и займищами, мимо Хмѣлевки, до деревни Новосвѣтаевки. Здѣсь остатки саратовскаго гарнизона сѣли на суда и отплыли въ Царицынъ.

Очень можетъ быть, что ночной маршъ Бошняка былъ форсированъ, съ цѣлью выигрыша времени и безпрепятственной посадки отряда на суда.

Пугачевъ почти не преслѣдовалъ саратовскаго коменданта, а сообщники его, упоенные успѣхомъ и выпитымъ виномъ, увлеченные грабежами имущества и заняты расправой съ городскими жителями, не имѣли времени подумать объ уничтоженіи или плѣненіи отступающей горсти всего въ 60 человѣкъ.

Такимъ образомъ, — если вѣрно наше предположеніе, что Артамонъ Лукичъ прибылъ въ Хмѣлевку вмѣстѣ съ отрядомъ Бошняка,—онъ, конечно, имѣлъ достаточно времени для принятія мѣръ къ спасенію жены и дочери.

Преданіе говоритъ, что Прасковья Ивановна Шахматова, вмѣстѣ съ сестрой своей, Матреной Ивановной Безобразовой, были перевезены на, такъ называемый, Большой островъ. Отряды пугачевцевъ, слѣдовавшіе сухимъ путемъ, не нуждались въ заходѣ на этотъ островъ съ переправой черезъ коренное теченіе Волги: партіи же разбойниковъ, слѣдовавшія на судахъ, не замѣтили бы бѣглецовъ, спрятавшихся въ заросляхъ тальника или въ стогахъ сѣна. На островѣ находились съ барыней и кое-кто изъ дворовыхъ, захватившихъ достаточное количество провизіи.

Семилѣтнюю Машеньку почему-то съ собой не взяли. Мо-

жетъ быть опасались держать ее подъ открытымъ небомъ и подвергать непогодѣ. Спасти барышню и спрятать ее отъ глазъ разбойниковъ взялась вѣрная нянька, имя которой преданіе къ сожалѣнію не сохранило. Дѣвочку перенесли въ простую избу на селѣ и переодѣли въ крестьянское платье.

Артамонъ Лукичъ и Николай Алексѣевичъ остались въ Хмѣлевской усадьбѣ одни, рѣшивъ, по возможности, защитить свое имущество отъ разграбленія.

Въ пьяномъ разгулѣ, въ грабежахъ, въ непрерывномъ рядѣ казней и безобразныхъ убійствъ протекали въ Саратовѣ дни 6-го, 7-го и 8-го августа. Пугачевъ успѣлъ захватить на Волгѣ баржу съ частью казенныхъ денегъ, отправленныхъ въ Царицынъ еще Лодыженскимъ. Другая часть казны была найдена мятежниками въ подвалахъ Троицкаго Собора и воеводскаго дома. Громадные обозы были нагружены всякимъ награбленнымъ добромъ. Но пришла вѣсть о приближеніи къ Саратову отрядовъ Муфеля и Михельсона, давно уже гнавшагося за Самозванцемъ. Съ деморализованной толпой пьяныхъ оборванцевъ нечего было думать о сопротивленіи правительственнымъ войскамъ; — пора было бѣжать далѣе на югъ къ Дмитровску (нынѣшнему Камышину) и къ Царицыну.

Съ вечера 8-го августа передовые отряды Пугачева выступили большой Царицынской дорогой, проселками по сторонамъ ея и береговъ Волги. Выступление главныхъ силъ и самаго самозванца было назначено на утро 9-го числа.

Въ сумеркахъ 8-го августа одинъ изъ передовыхъ отрядовъ ворвался въ Хмѣлевку и, первымъ дѣломъ, кинулся на барскій дворъ. Налетъ его на усадьбу засталъ Артамона Лукича врасплохъ. Вышедшій навстрѣчу разбойникамъ онъ былъ ими тутъ-же убитъ.

Расправившись съ бариномъ, мятежники принялись за поиски и другихъ членовъ семьи. Прасковья Ивановна сразу не была найдена, какъ не нашли и Машеньки. Неизвѣстно, какимъ образомъ избѣгъ участи своего дяди Николай Алексѣевичъ.

Но за розыскомъ господъ, разбойники проникли во всѣ углы дома, во всѣ кладовки, погреба и прочія службы. Ничто не скрывалось отъ ихъ пытливаго глаза, а особенно хранящееся въ винницѣ и погребахъ. Грабежъ усадьбы былъ начатъ тутъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбиты были бочки съ виномъ, откупорены бутылки съ наливками и разными прохладительными.

Большая часть перепуганной дворни разбѣжалась, укрывшись кто въ избахъ своихъ на селѣ, кто на гумнахъ, а кто и

въ многочисленныхъ перелѣскахъ. Нашлись, конечно, и такіе люди изъ крѣпостныхъ Шахматовыхъ, которые приняли участіе въ разгулѣ грабителей. Въ ихъ числѣ былъ и мельникъ Яшка, встрѣтившій среди разбойниковъ кое-кого изъ старыхъ своихъ знакомыхъ, почевавшихъ не разъ у него на мельницѣ и дѣлившихъ съ нимъ хлѣбъ-соль, да шкаликъ сивухи. „Видишь,—по-нашему вышло“!..—говорили они ему:—„Плевать тебѣ теперь на господъ! Ну-ка, молодецъ, поднеси еще кусочекъ“.

Однако, среди грабежа и пьянства, прибывшіе военачальники не забыли отдать приказаніе Пугачева выгнать на утро все окрестное населеніе на большую дорогу, на поклонъ Царю.

Трактъ на Царицынъ, такъ называемый „станишникъ“ пролегалъ параллельно по берегу Волги, въ 10—12 верстахъ отъ нея и Хмѣлевки. Земли Хмѣлевской и Колотовской дачь Шахматовыхъ захватывали этотъ трактъ въ мѣстности, прилегающей къ рѣчкѣ Горючкѣ (притока рѣки Иволги). Туда къ Большому Колку (дѣсу) потянулись утромъ 9-го августа всѣ жители села Хмѣлевки, сосѣднихъ Колитова, Буерака, Бѣленькаго, Фармосова Буерака и другихъ деревень. Съ крестьянами вмѣстѣ повели (или повезли) и Николая Алексѣевича.

Всей выгнанной на станишникъ толпѣ крестьянъ и другихъ обывателей приказано было, для встрѣчи ихъ мнимаго Государя, стать на колѣни. Отъ такого униженія отказался лишь одинъ Шахматовъ.

По докладѣ Пугачеву объ ослушаніи помѣщика, самозванецъ немедленно приказалъ его повѣсить. Но не только „вся Хмѣлевка“, а всѣ окрестные поселяне снова стали на колѣни и, послѣ усиленныхъ просьбъ и даже слезъ, вымолили любимому своему барину прощеніе.

Съ проѣздомъ Пугачева не минула еще для Николая Алексѣевича угроза быть повѣшеннымъ: — еще не разъ пришлось Хмѣлевскимъ крестьянамъ защищать его отъ покушеній со стороны отставшихъ и догонявшихъ своего повелителя пьяныхъ наѣздниковъ. Лишь къ солнечному закату возвратились хмѣлевцы домой.

А тѣмъ временемъ дикія сцены разыгрывались на барскомъ дворѣ ихъ села.

Неизвѣстно, кѣмъ было выдано убѣжище на островѣ Прасковьи Ивановны и сестры ея. Отправившіеся туда изъ числа заночевавшихъ въ Хмѣлевкѣ, разбойники нашли перепуганныхъ и истомленныхъ барынь у подножья большого стога сѣна.

Немедленно были онѣ связаны и перевезены обратно на берегъ. Говорятъ, что, перевязывая руки Прасковѣ Ивановнѣ, ихъ такъ сильно скрутили назадъ, что у ней лопнула кожа на груди. Конечно, разсказъ этотъ неправдоподобенъ, но такъ гласитъ преданіе.

Хозяйственные постройки Хмѣлевской усадьбы были въ нѣкоторомъ удаленіи отъ господскаго дома, за пролегающей черезъ село дорогой, близъ церкви. Они образовывали особый дворъ, среди котораго росъ вѣтвистый, старый вязъ. Сюда была доставлена Прасковья Ивановна. На вязѣ этомъ рѣшено было ее повѣсить. Разбойники приступили уже къ страшному дѣлу. Спассти барыню было некому. Большинство крестьянъ и дворянъ либо находилось въ числѣ выгнанныхъ на Царицынскую дорогу, либо было въ бѣгахъ.

На селѣ и въ усадьбѣ оставалось только нѣсколько человѣкъ худшаго элемента, не могшихъ спяна двинуться съ мѣста, не сознававшихъ окружающаго и не способныхъ оказать какое-либо сопротивленіе злодѣямъ. Въ числѣ хмѣльныхъ былъ и мельникъ Яшка. „Плевать мнѣ на господъ“! горланилъ онъ, размахивая руками и пошатываясь. Въ безсознательномъ состояніи подошелъ онъ къ Прасковѣ Ивановнѣ и дѣйствительно плюнулъ ей въ лицо.

Но еще пьянѣе Яшки были и сами палачи. Три раза принимались они вѣшать несчастную мученицу и три раза терпѣли неудачу:—то барыня срывалась съ петли, то обрывалась ненадежная веревка. Раздался, по счастью, чей-то голосъ, напомнившій, что приговореннымъ къ повѣшенію, въ случаѣ троекратной неудачи палача, полагается помилованіе. Это напоминаніе спасло жизнь Прасковьи Ивановны.

По возвращеніи своемъ изъ Горючки Николай Алексѣевичъ нашелъ тетку лежащей безъ памяти подъ вязомъ, хотя и освобожденной отъ веревокъ. Матрена же Ивановна, не извѣстно почему не подвергшаяся участи сестры, сидѣла едва живая съ перепуга въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ дома. А у крыльца лежало, до сихъ поръ не прибранное, тѣло старика Артамона Лукича. Вся усадьба, весь домъ были разграблены дочиستا. На полу и по двору валялись битая посуда, поломанная мебель... Стекла въ окнахъ вышиблены, двери сорваны съ петель и расколоты...

Остается сказать о судьбѣ Марьи Артамоновны. Въ минуту отлучки ея няни за водой на рѣку, оставшаяся одна въ избѣ Машенька, какъ была въ рубашенкѣ и босикомъ, выбралась

на завалинку. Испугавшись проѣзжавшаго мимо разбойника, она горько расплакалась, утирая слезы рученками. Нѣжныя и лишенныя загара ноги дѣвочки привлекли вниманіе злодѣя и возбудили справедливое подозрѣніе. Только своевременное возвращеніе и находчивость няньки спасло Машеньку отъ намѣренія его тотчасъ прикончить съ барышней.

11-го августа утромъ вступили въ Саратовъ неутомимые Муфель и Михельсонъ. Черезъ два дня послѣ него подошелъ и отрядъ Михельсона. Соединившись, они двинулись въ догонку за Пугачевымъ. Въ городѣ же были назначены власти, арестованы и преданы суду измѣнники, убраны тѣла убитыхъ. Въ числѣ прочихъ было подобрано и предано землѣ тѣло Павла Алексѣевича Шахматова. Никто изъ родныхъ не могъ присутствовать на похоронахъ, а потому и могила его осталась неизвѣстной.

По проходѣ правительственныхъ войскъ черезъ Хмѣлевку, начался водворяться понемногу порядокъ и въ ней. Проспавшіеся безобразники изъ числа крестьянъ и дворовыхъ явились съ повинной къ Прасковѣ Ивановнѣ и Николаю Алексѣевичу. Доброта господъ превысила всякія ожиданія, и никто изъ нихъ не былъ подвергнутъ какому-либо наказанію. Такое отношеніе господъ къ виновнымъ особенно поразило мельника Яшку. Онъ, дерзкій оскорбитель, онъ, на котораго всѣ односельчане показывали пальцемъ, какъ на подлаго измѣнника и большинство которыхъ отъ него отворачивалось, — онъ не только не былъ высѣченъ или предназначенъ въ рекруты, но даже не услышалъ отъ барыни упрека или попрека. Проходили дни, а Прасковья Ивановна относилась къ нему по-прежнему добросердечно и мягко. Совѣсть мучила хоть и легкомысленнаго и безпутнаго, но честнаго слугу. Нестерпимы были его душевныя страданія.

Тѣло Артамона Лукича, одѣтое въ прапорщичій мундиръ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, было положено въ гробъ и поставлено среди Хмѣлевской церкви.

Священникъ, отецъ Емельянъ Акимовъ, уже отслужилъ панихиду. Едва держащаяся на ногахъ Парасковья Ивановна, глубоко потрясенная всѣмъ происшедшимъ, не въ силахъ была плакать, а какъ-то молча, особенно тяжело переносила свое горе.

При пѣніи „со святыми упокой“ горько всхлипывала Машенька, смахивая слезу съ глазъ присутствующій Николай Але-

кѣевичъ, катились онѣ по щекамъ молящихся за упокой души барина дворовыхъ и крестьянъ.

Хотя панихида служилась передъ тѣломъ одного лишь Артамона Лукича, священникъ молился объ упокоеніи рабовъ Божіихъ, новопреставленныхъ бояръ Артамона и Павла.

Кончалась служба. Господа и слуги разошлись по домамъ и утомленные дневными заботами и пережитымъ уснули крѣпкимъ сномъ.

Темная августовская ночь окутала Хмѣлевку и окрестности. Усадьба, ряды сельскихъ избъ и лѣсистый оврагъ рѣчки Хмѣлевки слились въ общую темную массу. Внизъ подъ обрывомъ разстилалась водяная гладь широкой Волги-матушки, отражая въ себѣ небо съ безчисленными звѣздами и набѣгавшими тучками. Да по другую сторону усадьбы, на полугорѣ бѣлѣла колокольня сельской церкви. Недавно, всего лишь лѣтъ 7 назадъ была она отстроена иждивеніемъ покойнаго Алексѣя Лукича и освящена во имя Симеона Столпника.

Среди нея высился гробъ съ тѣломъ Артамона Лукича. Три высокихъ подсвѣчника съ зажженными свѣчами стояли близъ него. Престарѣлый хмѣлевскій дьячекъ читалъ у аналоя псалтырь. Тихо было вокругъ. вмѣстѣ съ Хмѣлевскими обывателями уснула, казалось, и сама природа. Ни съ села, ни съ Волги не доносилось ни одного возгласа, ни одного звука.

Свидѣтель всѣхъ происходившихъ въ Хмѣлевкѣ ужасовъ, робкій дьячекъ еще не пришелъ въ духовное равновѣсіе послѣ минувшихъ событій. Безвозвратно ли пронеслись они? Не нахлынутъ ли неожиданно новыя шайки мятежниковъ? Не придется ли снова перетерпѣвать пережитое и удастся ли въ другой разъ избѣжать мученій и смерти?

Между тѣмъ тѣло отставнаго прапорщика, за истекшіе 10—12 дней со дня убійства, значительно подвергалось разложенію.

Вздутый животъ потучившаго барина былъ туго стянутъ съ трудомъ застегнутымъ, давно не надѣваннымъ мундиромъ.

Въ желудкѣ покойнаго происходило броженіе и нѣтъ, нѣтъ да раздавалось бурчаніе. Звуки эти подхватывали глухіе своды, отчего являлось впечатлѣніе, что перебаты шли будто бы извнѣ церкви. Въ воображеніи трусливаго церковнослужителя представлялось новое появленіе Пугачевскихъ шаекъ. Не пушки ли грабителей спускаются къ селу съ сосѣдной горы... Страхъ, смертельный страхъ обуялъ дьячка.

А разложеніе трупа шло своимъ чередомъ далѣе. Неожиданно, съ глухимъ трескомъ лопнулъ мундиръ на покойникѣ. Оторвалось нѣсколько пуговицъ!.. одна стукнула, падая на полъ, другая случайно потушила свѣчу передъ псалтиремъ, а третья—попала дьячку въ лобъ. Съ нечеловѣческимъ крикомъ выскочилъ старикъ изъ церкви и бросился въ прибрежный перелѣсокъ въ такъ называемые, кучугуры. Спуганныя имъ собаки бросились въ догонку съ барскаго двора и съ поселка дворовыхъ. Не видя ничего передъ собой, что есть мочи бѣжалъ, лишившійся разсудка церковнослужитель. Дикій крикъ его оглашалъ окрестность и было разбудилъ дремавшего у господскихъ воротъ караульца. Но вдругъ крикъ этотъ замеръ и смѣнился донесшимся издали трескомъ сучьевъ и паденіемъ чего-то тяжелаго. Безумный дьячекъ упалъ съ кучи „Синяго мара“ на груди камней песчаника и расшибся до смерти. На другой день нашли его у самаго берега Волги окровавленнаго, едва живого.

Недѣлю спустя, въ кучугурахъ же, нашли еще одинъ трупъ. Несчастный Яшка, замученный совѣстью, рѣшился на самоубійство и повѣсился на дубочкѣ въ самой гущѣ перелѣска.

Все изложенное нами на этихъ страницахъ или основано на безспорныхъ архивныхъ документахъ, или передано со словъ очевидца событій, хмѣлевскаго крестьянина Никифора Шарыпки.

Портретъ его, 122-хъ лѣтняго старца былъ помѣщенъ въ журналѣ „Нива“ за 1883-ій годъ на стр. 700-ой. Разказы же его приходилось намъ слушать въ той же Хмѣлевкѣ, во дни нашего дѣтства.

Вячеславъ Шахматовъ.

